

МАГНИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛ

Орган СТК, парткома, профкома, комитета ВЛКСМ и управления Магнитогорского джазды ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени металлургического комбината имени В. И. Ленина

ЧЕТВЕРГ,
8 марта 1990 года
№ 33—34 (8009—8010)
Газета выходит
с 5 мая 1935 года
Цена 4 коп.

ПУСТЬ ВАМ СОПУТСТВУЕТ СЧАСТЬЕ, ДОРОГИЕ НАШИ ЖЕНЩИНЫ!

Дорогие подруги!
Сердечно поздравляем вас с праздником весны — днем 8 Марта!
Желаем любви, счастья, безоблачного неба вам и вашим детям!
Пусть сбываются все ваши мечты и пожелания, пусть не омрачат ваши жизни болезни и невзгоды.

Спасибо вам, наши дорогие!

В. ШУНИН — председатель СТК, И. РОМАЗАН — генеральный директор, В. СОВКО — секретарь парткома, С. КИРИЛЮК — председатель профкома, И. БАЛАНДИН — секретарь комитета ВЛКСМ.

Александр ПАВЛОВ

ПОКАЯНИЕ

Мы до такой
упали откровенности,
что, поселяя
зычность
в голоса,
забыли
олишадившие женщины
про все свои
земные чудеса.
Они понуро
ощущают по жизни
под лозунгом
о вечной кратоте
в раздвоенной,
что гордость,
укоризне,
в затянутах любезно
хомуто.
Ужель для нее завод —
твердыня?
Она берет,
как воин, рубежи,
забывая детей и дом
рабыни
несовершенства,
лености и лжи.
А по углам,
исполненные веры
и безоблачный
технический прогресс,
на завтрах
починают инженеры —
не рожница,
з здоровенный лес.
Простите нас,
усталые подруги
за долгий гром
сомнительных побед,
за эти
возвращения на крути
нам не было прощения
и нет.

И добры, и красивы...

Второго марта после дневной смены в танцзале Дворца культуры имени С. Орджоникидзе собрались на праздничный вечер работники девятого прокатного цеха. Праздник за чашкой чая, названный слетом передовых работников цеха, организовал женсовет прокатного производства.

По ходу слета организаторы провели три конкурса: на лучшую маму и лучшую бабушку, работающую в девятом прокатном и — полупрофессиональный шутильный конкурс «Мисс наждачница». И все три конкурса показали не только готовность работников цеха посостязаться за звание победительницы, но и их музыкальность, чувство юмора, изобретательность и артистизм.

Скажем, мамам надо было показать умение успокоить плачущего ребенка колыбельной песней и вспомнить забавный случай из своих контактов с детьми, за несколько минут смастерить платье, а бабушкам — не только быстро сшить фартук из куска ткани, вспомнить героев детских сказок лишь по шутилым намекам ведущей, но и побывать в роли «золушки» — разобрать смешанный с горохом рис. Все участницы конкурсов отлично справились с заданиями, но лучшими были названы среди мам О. А. Дериглазова, а среди бабушек — Н. Е. Сметанина.

Третий конкурс, условно названный «Мисс наждачница», был посложнее. Его участницам Н. И. Дубиной, П. Г. Ивановой, О. В. Сергеевой и А. Г. Черемянской пришлось петь, изображать заданный этюд и отвечать как на шутильные, так и на профессиональные вопросы. При практически равных оценках победу в этом конкурсе жюри присудило одной из луч-

(Окончание на 3-й стр.)

На снимке: победительница шутилого и профессионального конкурса «Мисс наждачница» Нина ДУБИНА.

Репортерская хроника

От весны до весны

— Каким он был, год от весны до весны? — спросили мы председателя женсовета ММК Л. В. Чemezova.

— Наверное, все-таки удачным. При всех сложностях удалось достичь немало в трех приоритетных направлениях. Увеличена продолжительность отпуска по уходу за детьми до трех лет. Началось сдвигаться с мертвой точки решение вопроса о сокращении рабочего времени для женщин. Прекращен прием женщин на работу с особыми вредными и особо тяжелыми условиями труда.

Далее. Теперь наши мамы могут оздоравливаться вместе с детьми дошкольного возраста в профилактории «Зеленый городок» не только во время очередного отпуска, но и круглогодично. Для цеха «Здоровье» выбрано здание. Решается организация питания, лечения и занятости беременных женщин. Теперь все они трудоустроены вне комбината. Сейчас думаем об усиленном питании для беременных женщин и кормящих матерей за счет обеспечения дополнительными талонами на продукты.

Наконец, более 250 тысяч рублей выделено на оказание помощи многодетным и малообеспеченным семьям в виде единовременного пособия в среднем от 70 до 200 рублей.

По пути технического прогресса

Наш разговор сразу начался с вопроса: могут ли женщины заниматься творческим трудом? Как оказалось, к нему я был просто не готов. Появившись, Элина Даудовна сразу сменила тему:

— Вы, вообще-то, представляете, как проходит творческий процесс?

И это я представлял плохо. На участок инженера второй категории Э. Д. Немкиной я пришел с заранее заданной целью. Было желание написать о временном трудовом коллективе, который, как говорили, не так давно справился со сложной задачей по автоматизации лабораторного процесса определения фазового, напряженного и структурного состояний металла. Члены ВТК встретили меня приветливо, с удовольствием рассказывали. Показали и свое детище: систему аппаратурных средств и программное обеспечение «Квант», управляющую серийным

рентгеновским дифрактометром.

Немкина встретила довольно неласково. Сказала, что ее участок работает совместно с другими, поэтому специально выделять его совершенно не следует. Потом, видимо, несколько смягчившись, позвала, по дороге представила начальника лаборатории эмальсеха ПТНП Галину Владимировну Горину. Как оказалось, сделала она это не случайно, потому что тема нашей беседы была целиком посвящена цеху эмальсеха.

Рабочим местом Элины Даудовны, вопреки ожиданиям, оказался не отдельный кабинет, а отгороженный огромным конторским шкафом закуток ровно на ширину письменного стола. Усадив гостей — справедливости ради надо заметить, что Гори-

на — частый посетитель, — Немкина начинает рассказывать. Но не о себе, как ожидалось, а о своей лаборатории, в организацию которой, по словам окружающих, она вложила немало сил.

— Для того, чтобы решить какую-то проблему, приходится прежде просмотреть очень много литературы по определенной теме. Потом сделать патентный поиск. Взять хотя бы такой пример, — тут она кивает в сторону Галины Владимировны, — много нам пришлось просмотреть литературы на английском и немецком языках, когда решали проблему устранения «рыбьей чешуи». Не читали только на японском. Жаль, никто у нас не знает языка. Есть у японцев хороший журнал «Тэцу Хоганэ». Заглянули только в «Транзекшн оф зе эйрен энд стил оф Джапан».

проблема, Элина Даудовна отмечает, что с «рыбьей чешуей» боролись многие: сталеплавильщики, металлоруды, физики центральной лаборатории комбината, протектики и сами работники ПТНП. Много сделал для этого и заместитель начальника ЦЛК В. А. Масленников. Как раз его помощь была для Немкиной самой ощутимой. Главное — он правильно сформулировал и поставил задачу.

Дело в том, что у нас в стране существует официальная общепринятая теория, согласно которой главную роль в образовании «рыбьей чешуи» играет водород. Это он, выделяясь из металла при нагреве и остывании готовой продукции, портит ее поверхность. Поэтому многие лаборатории страны боролись именно с водородом. Владимир Александрович, по словам Немкиной, не под-

ке невозможно рассказать художественным языком. Не слушал ее и убеждался в обратном. Чего стоит только один «прародитель». Выражает она свои мысли емко и образно. Да и весь ее рассказ, в который время от времени добавляла некоторые детали Горина, похож на детектив. Захватывает сам процесс поиска, как и в детективе, похожий на преследование. Только это — погоня за истиной.

— Как оказалось, в системе, которую в целом представлял эмальсеховский суд, с трудом уживаются два таких противоположных по свойствам компонента, как сталь и стекло. Ведь эмаль — это же по сути стекло. Как две сварливые соседки в коммунальной квартире, никак не могут ужиться два столь разнородных материала.

Трудно, оказывается, помирить не только огонь и воду. Работы было много. Но главное — концепция механизма возникновения дефекта оказалась несколько отличной от той, которая существует в нашей стране. Дерзнули замахнуться и на авторитет общего мнения.

Насколько я успел понять, в коллективе немало молодых инженеров. Сейчас уже трудно сказать, кому из них первому пришла в голову мысль о переделке имеющегося серийного дифрактометра. Идея, говорят, витала в воздухе. Надо было претворить ее в жизнь. В том, что сейчас работает «Квант», думаю, есть заслуга и Немкиной. Она сумела сформировать творческий коллектив. Так какие могут быть сомнения по поводу творческих способностей слабой половины человечества?

В. СОКОЛОВ.

На снимке: инженер второй категории Элина Даудовна и лаборант рентгеноструктурного анализа Нина Ивановна ЗАХАРЧЕНКО.

Фото В. Макаренко.

ФОРМУЛА ПОИСКА

Успеваю отметить, что сложные названия иностранных журналов она произносит с легкостью, с какой мы, к примеру, произносим слово «хлеб».

— Потом составляем план работы. Нужно четко представить себе, где и что нужно сделать, чтобы решить проблему. Многие в нашем поиске заходят и от интуиции. Да и весь творческий процесс довольно сложен.

Со слов Немкиной узнаю, что «рыбья чешуя» — дефект на эмальсеховой посуде, который сильно портит ее качество. Причем оказывается, что это — проблема не только нашего производства товаров народного потребления. С «рыбьей чешуей» сталкиваются во всем мире, где только выпускают эмальсеховую посуду. Рассказывая, как решалась эта мировая

проблема, Элина Даудовна убеждена, что о нау-

дался общепринятой концепции, не поверил в авторитет даже такого крупного научно-исследовательского центра, как Свердловский НИИ черных металлов. Масленников направил всех на установление и других причин. Время показало его правоту. На образование «чешуи» влияло несколько факторов.

— Поэтому наша задача сводилась к поиску, — говорила Немкина, — способов устранения этого дефекта. При помощи прародителя «Кванта» нам удалось в сжатые сроки установить основные причины возникновения «рыбьей чешуи».

Кстати, сама Элина Даудовна убеждена, что о нау-

МОЙ ГОРОД, МОЙ ЗАВОД — МОЯ СУДЬБА

ДОЛЯ

Женщина в полосатой футболке и красной косынке, с лицом, полным оптимизма и радости... Кому не знаком этот образ раскрепощенной участницы великих строек первых пятилеток? Мы так сроднились с этим плакатным символом, что о другом и не мыслили.

Но были, оказывается, тысячи, десятки тысяч других женщин, руками которых строилась Магнитка. Это их первыми товарными эшелонами привезли в голую степь у Магнитогорья, это они начали жить в промерзлых палатках и нетопленных бараках, они прокладывали десятки километров железно-дорожных путей к домам, мартенам, в карьеры... Это они хоронили своих детей в чужую землю...

Они не плавил первый металл, им не вешали звезд героев. Чаще всего они тихо жили и так же незаметно уходили из жизни. Звались они спецпереселенцами. Их осталось совсем немного, и мы мало что знаем о них. Но они помнят все, и особенно те страшные 30-е годы...

Одна из них — Ефросинья Николаевна Рысаева. В прошлом — путейская рабочая, участвовавшая в прокладке железнодорожных путей ко всем станциям комбината, потом — санитарка здравпункта доломито-обжигового завода ИДК.

Можно ли назвать ее героиней? Сразу скажу: нет. И все же... И все же я ставлю ее рассказ о своей нелегкой судьбе под этой рубрикой. Потому что это ее город, потому что это ее завод и ее судьба... Ее монолог не требует ни литературных прикрас, ни журналистской обработки. Иначе это будет неправдой.

ЖИЛА я в деревне Бимира в тридцати верстах от Казани. Называние деревни татарское, но испокон века жили в ней русские: и отец мой, и дед-прадед. В деревне нашей сроду богатых не было, семьи большие, кормились с хозяйства. Кто, может, получше чуток жил, кто похуже. Наша семья была бедной: отец помер, росли мы сиротами. А вот Рысаевы, к кому я попала после замужества, были

зажиточные. Свекру от отца-деда достался дом двухэтажный и магазин. Десять детей у них было, все грамотные, работающие, все в руках у них так и кипело. В почете семья была. Жили все вместе: бабушка старая, родители, сыновья с женами и детьми, дочери. Не пойму, как они удумали взять меня в снохи? Муж-то мой среди прочих ребят в славе был, не дурной парень. За него много

девок собиралось. А он прислал сватов за мной, мама и отдала. Хорошо они меня приняли: и папаша, и мамаша, и братья с женами, даром что из бедной семьи.

ВОТ ЖИЛИ МЫ, работали, а тут раскулачивать начали. Отбрали у Рысаевых магазин, на втором этаже в доме пошивочную артель сделали. В магазине сельсовет своего продавца поставил, хоть Рысаевы-то все грамотные были. Продавец этот и жил в нашем доме, и столовался. Папаша с мамашей хорошо с ним общались, зла не держали. Может, боялись против говорить, а может, потому, что жизнь кувирком вся пошла.

Вместе-то теперь стало ох как тесно жить, и порешили нас, молодых, отселить. Сладили нам домишко. Ничего у нас не было, одна собака. Нищета. Вскорях мамашу с папашей куда-то погнали. Помню, гонят их пешими, босиком... Сыновей в другие места, бабушку старую одну бросили. Так мы больше никогда никого не видали, и не знаем, где они сгинули.

Нас с мужем и еще пять семей пригнали в Казань, посадили в товарный поезд и повезли. Куда — никто не знал. Поезд большой, набитый людьми. Все с малыми детьми, с узлами. Да почти что все отобрали у нас сразу. Обещали на месте возвратить, да так и не отдали. Мама моя всю свою муку нам отдала, так и пропала та мука.

Ехали мы с дочкой, маленькая она была. Ох неохота было ехать в чужие края! Привезли нас на чистое поле, стали мы палатки ставить. Сказали: вот здесь завод будут строить, металл выплавлять. Поставили нас на пути: прокладывали железную дорогу, станции строили,

ХЛЕБНУЛИ ГОРЮШКА: разутые, раздетые до самых морозов жили в палатках. Не знаю, как живы остались. Кормили нас плохо: давали по 300 граммов хлеба, еще кобылятину, мясо черное. Похлебаю суп, а мясо на столе горкой сложу. Соседка по бараку, бывало, спросит: «Возьму я, Николаевна, мясо?» «Бери», — отвечаю. Сама не могла есть, душа не принимала. У кого что осталось, меняли на продукты. Мой муж последний костюм с себя поменял на муку.

Потом начали ставить мы бараки, здесь же, недалеко от станции, против Агаповки. И станцию сами строили. Ии дорог, ни машин, все руками носили. И шпалы таскали, и рельсы. Поместили нас в бараки, ну, как скот: спали вповалку, вшей горстями стрегали, бараки не топились.

Ведь заедали, помнится, вши и клопы. Ночью, бывало, люди выходили из барак, ложились на снег, чтобы унять зуд. Да разве долго пролежишь на снегу? Все мы ночами маялись.

Мерли люди, как мухи. Недоедали, мерзли, работа тяжелая. Стоял у нас за бараками большущий сарай. Так туда мертвых складывали. Была бригада специальная, собирали по баракам покойников. Сложат их в сарае, своего уж не найдешь. Так и хоронили вместе. Где сейчас Поля орошения, была большая яма. Так вот на бричке увозили мертвых-то и через колесо, ну чисто скот, скидывали. На всех гробов-то не напасешься. Так и закапывали в одной яме. И детишки там, и взрослые.

Где ни работали: только куда пошлют, туда и идишь. Ребенок наш не выдержал, помер. Еще у меня дети рождались, да мерли все. Ох-хо-хо, все здоровье оставили на путях, вот сейчас мы и калеку. Жизнь такая, ох как надое-

ла. А куда деваться? Ни документов нам не давали, ни бумаг никаких на руках не было.

Вот вздумала я отсюда вырваться. Дети померли, мужа забрали по линии НКВД. Несколько раз его забирали. За что? А мы знали: ни за что, как сына кулака. Возьмут и держат. Вот забрали его опять, а я взяла и уехала на родину. Отпустили Александра, он стал искать меня. Пошел в Агаповку, там много наших жило. Сродственница говорит:

— Ты, Александр, не ищи ее, пусть она там живет. Нянька-то, наверное, радешенькая, что приехала Фрося (это она маму мою так звала). А ты женись здесь. Детей у вас нет, новая семья будет.

А он отвечает: — Не нужно мне никого. Пусть назад едет, а то с конвоем пригонят.

В деревне меня сразу бы нашли, а я решила в Казани устроиться. В это время возвращали туда свекра со свекровью, они там работали. Я к ним. Так они так испужались, что куда-то на другой день уехали. Говорят, что кто-то видал их, папаша работал истопником, так и помер у печки. А ведь какой грамотный был.

А меня вернули с конвоем. Так и везли этапом от тюрьмы до тюрьмы. Поддержат в одной неделе, дальше гонят. Помню дольше всего задержали в Свердловске, я там даже прачкой поработала в тюрьме.

Вот так и вернули меня назад, с конвоем.

В тридцать пятом родилась у нас девочка. Тоже так же росла: где без надзора, где под приглядом. Смышленая девчонка была. Поминется, пропадает и пропадает, кинемся: «Где Валька у нас? Где была?» — спрашиваем. «В школе», — отвечает. Да какой там

И добры, и красивы...

(Начало на 1-й стр.)

ших молодых наждачниц цеха Н. И. Дубинной.

Очень трогательную нотку внесла в праздник самая маленькая его участница — Катя Сергеева. Цветами и памятным сувениром отметили женщины многолетнюю работу в цехе наждачниц В. Н. Чубаровой. И истинное украшением слета стало выступление танцевальной пары. Юная ита-беллировщица цеха Марина Прошина вместе со своим партнером исполнила несколько современных балльных танцев.

Музыка, цветы, сувениры, поздравления... Принаряженные симпатичные женщины в креслах за низкими столиками... Все в этот вечер было для них. И организовано хорошо, искренне, с душевной теплотой. Но все-таки трудно было отделаться от какого-то непонятного чувства горечи. Возникло оно в самом начале слета, когда женщины стали заполнять зал.

Несмотря на праздничные наряды и косметику, отчетливо просматривалось на их милых, прос-

тых лицах напряжение нелегкого труда. Привычная рабочая сдержанность словно не давала им расковаться, расслабиться, раскрыться. Спусти час-полтора, благодаря песне, доброму слову и цветам глаза их лишь слегка заблестели естественным женским лукавством, и вдруг...

— Вечер закончен, до свидания! Вы можете сейчас в этом зале купить наборы к празднику.

И выстроилась очередь у выхода из танцевального зала. Не знаю, что было в этих крошечных наборах: наверное, какие-то дефицитные консервы и продукты, но еще сильнее обострилась жалость и к этим конкретным женщинам из девятого прокатного цеха, и ко всем женщинам города вообще, даже в часы отдыха не забывающим, что в магазине купить нечего, а хочется подлечить накормить семью.

Право же, грустный конец был у праздника...

В. МИНУЛЛИНА.
На снимке: во время праздничной встречи.

Фото В. Макаренко.

Дети тянутся к любящим

Профессию воспитателя Лена Шрайнер получила после окончания педколеса. Четыре года назад восемнадцатилетняя, тогда еще Елена Резнюкова, пришла в детский сад № 60. Малыши были первыми, кто назвал ее по имени и отчеству — Елена Борисовна. Четвертый год работает она здесь.

Комиссия, проводящая аттестацию молодых специалистов, проработавших три года, единодушно решила: «Елена Шрайнер соответствует занимаемой должности и заслуживает поощрения». А такую высокую оценку имеют даже не все стажисты. Коллектив работников детского сада № 60 — один из молодых. На 70 сотрудниц — 27 комсомолок. Молодые берут инициативу в проведении дней именинника, концертов, подготовке газет и выставки собственных кондитерских изделий. А возглавляет комсомольско-молодежный коллектив Елена Шрайнер.

«Елена любит детей, а они, чувствуя это, тянутся к ней. Она — прекрасный педагог-профессионал, пользуется авторитетом», — так говорят о ней в коллективе. Обучая ребят, Елена старается разнообразить уроки лепки, аппликации и математики, вызвать интерес. И это ей удается. Для себя Елена ставит задачу: привить де-

тям максимум знаний и умений: ведь в ее группе «садовые выпускники», которые уже в этом году станут учениками нулевого класса.

Называют Елену и «новатором». Любит она, пофантазив, проводить занятия по-новому, в нетрадиционной форме. В ходе чтения вслух одной из книг дети, проследив за действиями добрых литературных героев, искали определение слову «доброта», образ доброго «некнижного», живущего рядом с ними человека.

— Кого вы, ребята, можете назвать добрым и почему? — спросила воспитатель. А в ответ услышала: «Вы, Елена Борисовна, добрая, потому что вы всегда веселая и с нами играете». Ответил Елена на каждое ребячье «почему», успев всех выслушать, никого не оставив без внимания. Все у нее получается, потому что горит внутри огонек любви к детям.

Предпраздничные дни в садике выдались напряженные. Дети готовились к утреннику, посвященному дню 8 Марта, мастерили подарки для мам, бабушек, сестренки. А рядом с малышами, где-то помогая, где-то только лишь подсказывая, была «добрая Елена Борисовна»...

На снимке: Елена Шрайнер.

Репортерская хроника

На хорошем счету

В сортопрокатном цехе женщины-металлурги, на хорошем счету. К примеру, с 1945 года числится трудовой стаж на комбинате у распределителя работ Жаннеты Романовны Гуленкиной. Товарищи по работе отмечают ее тактичность, вежливость, активность в общественных делах. На ней — весь детский сектор профсоюзной работы цеха. Жаннета Романовна организует утренники, детские праздники,

распределяет путевки в пионерские лагеря.

А операторы поста управления стана 300 № 3 Наталья Николаевна Верховецкая и Тамара Ивановна Негреева — отличные производственники. Выполнение производственного плана за февраль в бригаде № 2, где работает Н. Н. Верховецкая, составило 101,5 процента, а в бригаде № 1, где трудится Т. И. Негреева, — 101 процент.

От стихов — к песне

Виталий Леонидович Титов — артист Магнитогорского драматического театра имени А. С. Пушкина, уроженец Магнитки. Много лет жил и работал в Троицке, с 1973 года начал сниматься в кино. Десять лет назад приказом по Госкино СССР ему установлена первая категория киноактера. Виталий Леонидович снимался более чем в двадцати фильмах. Среди них — «Рожденная революцией», «Ищи ветра...», «Против течения».

Музыкой увлечен с юношеских лет. Помимо института культуры окончил музыкальное училище, преподавал в нем. Нескромно за свои песни Виталий Леонидович удостоен звания лауреата областного и городских конкурсов. Одна из его песен «На третьей от солнца планете» на слова Алексея Бодренкова опубликована 22 июля прошлого года в нашей газете.

Виталию Леонидовичу Титову близка тема войны: над циклом песен, посвященных Великой Победе, которой в нынешнем году исполняется 45 лет, он начал работать несколько лет назад. Предлагаем вниманию читателей одну из песен этого цикла.

Я сына родила не для войны („Материнский протест“)

Музыка
Виталия ТИТОВА

Слова
Натальи БУРОВОЙ

Я сына родила не для войны,
Не для войны я сына породила!
Не для войны букварь ему давала,
Тревожилась, гордилась, тосковала,
Пожизненно влюбленная,
Как мать, готовая страдать, терпеть, мечтать.
И ждать скупых, нерасторопных писем
С какой-нибудь окранны страны.

А-а... (вокализ)

Я сына родила не для войны,
Не для войны я сына породила!
Не для войны букварь ему давала,
Тревожилась, гордилась, тосковала,
Пожизненно влюбленная,
Как мать, готовая страдать, терпеть, мечтать.
И ждать скупых, нерасторопных писем
С какой-нибудь окранны страны.

А-а... (вокализ)

Примечание: после 2-го куплета — проигрыш всего куплета до слов: «Мы — матери...», далее с пением, замедляя к концу.

в школе, шесть лет всего. Приходит учительница: вы ей не запрещайте, пусть ходит, способная очень девочка. Семь классов кончила — у нас на спецпоселке только семь классов школа была. Потом стала в Агаповку ходить. Где пешком, где на электровозе. Она как-то одна из всех ребятшек охотилась учиться.

НАД НАМИ комендант стоял, ох и лютый был. Он-то нас и вез в эшелоне, попользовался нашим добром. Пили-гуляли с друзьями. А бывали и хорошие люди. Вот, помню, ходила я в положении: ну гора горой. Мастер все говорил мне: «Ты, Рысаева, на путях родишь мне». Боялся все, жалел. А комендант не отпускал: работай. Так до самых родов и таскала шпалы.

Родила я двойню: вот котят-котят. Да и то — в животе уж замученные были: сколько рельсов да шпал перетаскала. Один плохой-плохой был, помер сразу. Барак неоплаченный, холод. Другой мальчишка чуть лучше был, стали его выхаживать. Здесь и докторша стала ходить. Справку мне дала, предохла я маленько. Ребенок чуть подрос, опять на путь пошла.

Детей когда с собой брали, когда дома оставляли. Вот, помню, мальчишку с собой возмю, он на станции крутится. Играет-играет, и уснет где нибудь в уголке. Посторонние все спрашивали: чей это мальчонка сморился? Вот так и росли наши ребятки.

ХОТЬ НАТЕРПЕЛИСЬ МЫ лиха, но с мужем хорошо жили. Обиды мне от него никогда не было. И на работе его уважали, работник больно уж был хороший, безотказный. Он сварщиком работал.

А время-то какое было, господи!

Ничего не скажи: то одного посади, то другого. За что сажали? А ни за что. Вот привезут нам на путь еду, сидят все, разговаривают. Смотришь — завтра уж কোনো-нибудь нет — посадили. Были среди нас такие, кто в органы доказывал. К мужику моему тоже подбирался: ты, мол, слушай, об чем говорят тут. А мой-то отвечает: «Я один работаю, не с кем мне разговаривать».

Мало мы с моим Александром Ксенофонтовичем прожили, жизни-то не видали. Вдуматься нельзя, как бедовали. Кроме работы ничего и не видали. Так муж на работе и помер. Помню, как в тот день встал утром и говорит сыну: «Вставай, я тебе задачки проверю». Он шибко грамотный был, с ребятками занимался всегда. Потом собрался и сказал: «Ну, я пошел». Пришел на работу, упал и помер. 42 года всего было ему. Уходил из дома живой-здоровый. Изработался, видно, сердце и не выдержало...

Ох и хлебнули мы горяшка без хозяина. Одна детей растила-подымала. Дети, слава богу, не дураки достались. И сын, и дочь выучились на инженеров. Дети ихние тоже инженеры, внучка вот сейчас в Кемерово в институте учится. Здесь, в Магнитке-то, никто не живет: как после учебы направили их в другие города, так и живут там.

А я так и работала на путях. Потом в шестьдесят шестом пошла санитаркой на Лисей горе, в здравпункт. Да разве это работа после путей-то? Работала до 72 лет, вот уж десять лет отдыхаю.

КВАРТИРУ в Новый год получила отдельную. А то все в бараках да на соседней жила. Я бы раньше отдельную получила, да горе у нас приключилось: у сына жена померла. Здесь квартиру дают, а там сноху проводить надо.

Что выбирать? Поехала на похороны. Приехала оттуда, а мне дали комнату на соседней, где «Зори Урала». Квартира-то хорошая, да соседи попались худые: бабка уж такая вороватая. Ну ничего нельзя оставить. Ведь все время с людьми жила, а такого не видела. А сейчас, слава богу, живу, как барыня. Нет, не скучно одной. Так уж надоело с людьми всю жизнь. Ни к детям, ни к внукам не поеду. Зачем опять в семью, шум, гам? Поживу, сколь бог даст, одна.

Дочь приезжала, перевозила меня. Побелила квартиру. Добра тоды много выкинула. Говорит, развела ты, мама, хлам один. Говорит, чтоб ничего лишнего не было, чтоб чисто жила. Вот шерсть у меня была, не найду, наверно, тоже выкинула. Что ж без дела сидеть, я б носки вязала.

А за квартиру люди добрые хлопотали, спасибо им. Татьяна Александровна Левшова уж очень много со мной возилась, дай бог ей здоровья. И продукты мне приносила, и в профком ходила насчет квартиры. А сейчас Раечка Чернова ко мне ходит. Хорошая тоже женщина, все, что ни накажешь, купит.

Дай бог здоровья всем, кто придумал помогать нам, старым. А то куда же нам деваться? Пошла я как-то в магазин, дошла до середины дороги, и хоть плачь: не могу идти, и все тут. Ноги-то все простужены.

Не забывают меня и из здравпункта. Квартиру-то они дали. Спасибо, помогают, 30 рублей мне приносили. Пенсия у меня 70 рублей, хватает. Да много ли мне надо? Теперь жить да радоваться. Только мало уж моих годков-то осталось...

Записала Н. БАРИНОВА.

